

А.А. Илюшин

«Железная дорога»

В а н я (в кучерском армячке)
Папаша! кто строил эту дорогу?
Па п а ш а (в пальто на красной подкладке)
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Своеобразный эпиграф. Он выполняет роль экспозиции, введения: и с Ваней, и с папашей у автора состоится разговор. Нетрудно догадаться о чем: о том, кто же на самом деле строил железную дорогу. Ее, соединившую в 1852 году Москву и Петербург, прокладывали 10 лет под руководством главного управляющего путями сообщения графа П.А. Клейнмихеля. Осенью 1864 года Некрасов в поезде услышал или будто бы услышал приведенный в эпиграфе разговор отца с сыном. Счел или будто бы счел нужным вмешаться в этот разговор. Но сначала — в первой части стихотворения — поведал о том, как хороша лунная ночь, видная из окна.

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит...

В этих звучных стихах (ядренный, бодрит) побеждена усталость, крепнут силы. Природа необыкновенно прекрасна. А как же болота с кочками, пни (обрубки бывших деревьев)? Ими едва ли принято любоваться. Говорят: «глуп, как пень», а болотом именуют обывательщину, застой. Но недаром же и Блока подчас тянуло подальше от Прекрасной Дамы — к болотным чертеняткам и попикам, где кочки, хромые лягушки, пучина тряская и черная ряска (стихи 1905). Подлинный поэт найдет всему этому место в мире красоты. Некрасов — подлинный:

Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —
Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

Красота хороша не только сама по себе, но и тем, что она национально-родная: Русь... Хорошо путешествовать по России, наслаждаясь новообретенным комфортом железнодорожной вояжировки, это чувство удовольствия охотно выражали разные поэты некрасовской эпохи, не чуждо оно и нашему автору:

Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Вторая часть начинается с авторского обращения к «папаше» — как отклик на его ответ Ване (см. эпиграф):

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

В нашем языковом сознании слово «обаяние» приятное. Никто не откажется от того, чтобы выглядеть обаятельным человеком. Но в этих стихах Некрасова данное существи-

тельное имеет несколько иной оттенок значения. Обаяние — нечто близкое к заблуждению, хотя, впрочем, тоже приятному. «Он в каком-то обаянии, ничего не видит» (пример из Толкового словаря Даля). Казалось, что «все хорошо под сиянием лунным», однако при том же «сиянии лунном» предстоит разглядеть весьма жестокую «правду», которая будет показана Ване:

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, —
 Не по плечу одному!
 В мире есть царь: этот царь беспощаден,
 Голод название ему.

Строка «Не по плечу одному» прямо отсылает к эпиграфу, опровергая ответ «папаши», сказавшего, что железную дорогу строил Клейнмихель. На самом деле ее строили, как выяснится, «массы народные», а их подвиг на это царь Голод. Грандиозная символическая фигура: Голод правит миром. Как у Шиллера: «Любовь и Голод правят миром» (по словам Горького, «это самый правдивый и уместный эпиграф к бесконечной истории страданий человека»). Понуждаемые Голодом, обездоленные люди нанимались строить железную дорогу в нечеловечески тяжелых условиях, и многие «гроб обрели здесь себе»; «дороженька», сейчас такая красивая («насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты»), построена на русских костях, им же нет счету.

Чу! восклицанья слышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов!

«Чу!» — междометие, по значению близкое к призыву «слушай!». Начинается страшное. Как в балладах (например, Жуковского, Катенина, Лермонтова), мертвецы встают из могил. О своеобразной балладности уже шла речь в связи со стихотворением «Вчерашний день, часу в шестом...» Есть у Некрасова и «опыт современной баллады» (стихотворение «Секрет»). Выходцы из могил преследуют мчащийся поезд:

То обгоняют дорогу чугунную,
 То сторонами бегут.
 Слышишь ты пение?..
 «В ночь эту лунную
 Любо нам видеть свой труд!»

Мертвецы не просто бегут, а поют песню, в которой опять-таки упоминается лунная ночь — время, самое подходящее для контакта живых с призраками, которые по обыкновению должны исчезнуть перед рассветом. Они поют о том, как им при жизни было холодно и голодно, как они болели, как обижали их десятники, то есть старшие над группой рабочих:

Грабили нас грамотеи-десятники,
 Секло начальство, давила нужда...
 Все претерпели мы, Божий ратники,
 Мирные дети труда!

Один из этой толпы мертвецов — «высокорослый больной белорус», русоволосый и изможденный лихорадкой — обрисован особенно подробно:

Губы бескровные, веки упавшие.
 Язвы на тощих руках,
 Вечно в воде по колено стоявшие
 Ноги опухли; колтун в волосах...

Колтун — болезнь, при которой слипаются и склеиваются волосы на голове; возникает в антисанитарных условиях, может быть следствием инфекции.

Ямою грудь, что на заступ старательно
 Изо дня в день налегала весь век...

Одна многозначительная странность: написано, что белорус стоит. А ведь толпа мертвецов, представителем которой он является, бежит. Как будто это маленькое противоречие (белорус должен был бы бежать вместе со всеми), но оно пришлось очень кстати. Статическая фигура, выхваченная из общего потока и застывшая на одном месте, легче поддается детальному описанию. В отличие от мертвецов, поющих на бегу свою песню, белорус молчит. Это еще более обособливает его от остальных. В результате как-то забываешь, что он мертвый, и начинаешь относиться к нему как к живому, тем более что детали его портрета (бескровные губы, упавшие веки, опухшие ноги и пр.) могут символизировать не только смерть, но и болезненность живого человека.

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще! — тупо молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит.

Продолжаем гадать: живой или мертвый? И то и другое одновременно. Далее следуют слова:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...

Это прозвучало бы странно, если помнить, что белорус мертвый: не у мертвеца же брать уроки труда! К тому же пафос труда перебивается зловещими мотивами смерти: в поведении белоруса поэт усматривает нечто тупое и механическое, нечто похожее на неживую заведенную куклу, однообразно повторяющую какое-то заданное движение (извольте-ка подражать этому живому трупу!).

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Словосочетание *мужика уважать* стало расхожим. В балладе А.К. Толстого «Поток-богатырь» герой попадает из Древней Руси в Россию XIX века, и его строго спрашивают: «Уважаешь ли ты мужика?» — «Какого?» — «Мужика вообще, что терпеньем велик!» Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик./Если он не пропьет урожаю,/Я тогда мужика уважаю».

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ.

В первоначальном варианте текста вместо слова *достаточно* было *татарщину*, то есть монголо-татарское иго (1243–1480). Замененное слово удивительно созвучно заменившему. Можно догадываться о причинах такой замены: «татарщина» — дело далекого исторического прошлого, между тем как в строительстве железной дороги наверняка участвовали и татары «с матушки Волги, с Оки», страдавшие вместе с русскими, так зачем же их задевать этим словом, как бы способствуя тем самым национальной розни?

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!

Здесь паровозный свисток сыграл традиционную роль петушьего крика, предвещающего утреннюю зарю и разгоняющего призраки, которые теперь спешат скрыться из мира живых. Таковы славянские, и не только славянские, представления на этот счет. У Шекспира именно так исчезает призрак отца Гамлета: «Он вдруг исчез при крике петуха». Ване кажется, что все это привиделось ему во сне: появились тысячи мужиков (рассказывает он «папаше»), и некто — *он* — сказал: «Вот они — нашей дороги строители!..» Может быть, этот *он* тоже был в Ванином сне и рассказывал о строителях железной дороги, и показывал их? Но нет, отец мальчика, оказавшийся генералом, воспринимает рассказчика как реальное лицо и вступает с ним в спор. Он говорит, что побывал недавно

в Риме, в Вене, видел чудесные памятники старинной архитектуры. Неужели «все это народ сотворил» — такую красоту? И неужели собеседник генерала, говоривший так красноречиво о нуждах низкой жизни, ставит их превыше вечных идеалов прекрасного:

Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Имеется в виду стихотворение Пушкина «Поэт и толпа», в котором резко осуждается своекорыстная «чернь»:

...на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Что важнее: красота или польза? Шекспир или сапоги? Рафаэль или керосин? Аполлон Бельведерский или печной горшок? — об этом на все лады спорили в некрасовскую эпоху, литература и публицистика бились над этими «проклятыми» вопросами. С одной стороны, эстеты, жрецы «чистого искусства», с другой — утилитаристы, материалисты.

Некрасовский генерал эстетствует, презирает черный и грубый народ:

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он все растаскал!
...
Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..

Восклицание «Вот ваш народ!» вошло в изустный обиход. В повести В. Короленко «Прохор и студенты» два студента проходят мимо жалкого, опустившегося мужичка, и, указывая на него, один говорит другому: «Вот ваш народ!» — а тот недоумевает: где же народ, ведь я тут один! Термы — древнеримские общественные бани, когда-то роскошные, ныне развалины, свидетельствующие о погибшем величии античной культуры. Ее разрушили варвары, то есть народы, не причастные к римской цивилизации: славяне (по-видимому, южные, нерусские), германцы... Они разрушители, а не созидатели. Точно так же, по мнению генерала, нельзя и русских варваров-мужиков считать созидателями железной дороги: «дикое скопище пьяниц» на это не способно. Но ведь есть же и «светлая сторона» народной жизни! Так пусть же собеседник генерала покажет Ване и ее, вместо того чтобы травмировать ребенка «зрелищем смерти, печали»! И в четвертой части стихотворения показана эта «светлая» сторона.

IV

...Рад показать!

Строительство железной дороги закончено, мертвые — в земле, больные — в землянках, рабочие собрались у конторы: каков-то будет заработок? Но плуты-десятники (по-современному бригадиры) рассчитали их так лихо, что, оказалось, рабочие не только ничего не должны получить, но еще и обязаны выплатить недоимку (не уплаченную в срок часть налога) подрядчику (здесь — богатому купцу, ответственному за данный участок работы). Положение скверное, но вот появляется сам подрядчик, «проздравляет» (поздравляет) собравшихся и готов их осчастливить:

«С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!»)

Бочку рабочим вина выставяю
И — *недоимку дарю!..*»

Реакция народа — всеобщее ликование. Кричат «ура!» Десятники с песней катят обещанную бочку. По-видимому, в словах генерала — «дикое скопище пьяниц!..» — есть известная доля правды. Вот вам и «светлая» сторона народной жизни: замученные, обездоленные люди искренне радуются:

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отградней картину
Нарисовать, генерал?..